

ЭФир — предполагаемое во всем пространстве вселенной вещество, по тонкости своей недоступное чувствам...

Владимир Даль
«Толковый словарь живаго великорускаго языка»

Глава первая

Артем Бутейко тупо глядел в зеркало на свое бледно-зеленое, распухшее лицо. Глаза были холодные, мутные, как утренние московские лужи, подернутые зыбкой наледью.

— Опять будем Новый год встречать вплавь. — Молоденькая гримерша Люба скорчила кислую рожицу и стала быстрыми, легкими движениями наносить тон на небритые щеки Артема. — Слушай, Бутейко, может, тебе валерьянки в глаза закапать?

— Зачем? — вяло удивился Артем. — Это только коты от валерьянки возбуждаются.

— А ты и есть кот, — подал сонный голос оператор Егор Викторович, отхлебнул остывший кофе и закурил.

— Ничего вы не понимаете, — снисходительно улыбнулась Люба, — во-первых, все вы коты, у всех у вас суть животная, во-вторых, у тебя, Бутейко, взгляд какой-то мертвый, а от валерьянки глаза блестят. Барышни в прошлом веке ее закапывали, отправляясь на бал или на свидание. И еще уксус пили, для романтической бледности.

— Образованная, — проворчал Артем, потягиваясь с хрустом, — ненавижу образованных женщин.

До эфира оставалось пять минут. Артем подумал, что именно с этой фразы и стоит начать свой игривый обзор самых грязных сплетен за прошедшую неделю.

— Хватит меня мазать, — он поморщился и грубо оттолкнул Любину руку с розовой губкой. Он сильно потел и боялся, что в жарком софитовом свете по лицу потечет грим.

Отыграла коротенькая бравурная музыкальная заставка. Повисла тяжелая тишина, какая всегда бывает перед эфиром. Длится она не более минуты, но кажется, будто проходит вечность. Минута эта так напрягает, так взвинчивает, что хочется вскочить и выбежать вон из студии, пока не поздно.

Артем заставил себя сосредоточиться, крепко зажмурился, передернул плечами. Все. Лицо его появилось на экране. Он был в прямом эфире, один на один с миллионами телезрителей.

— Ненавижу образованных женщин, — произнес Артем, хмуро глядя в камеру, — терпеть их не могу. Ну ладно, дорогие телезрители, братья и сестры, господа и товарищи, леди и джентльмены, дамы, мадамы и невинные девицы, будем считать это моими личными трудностями. Итак, что у нас там произошло за мучительно длинные дни разлуки? Да в общем, ничего особенного. Начнем с политических новостей. Известный демократ, политик с большой буквы господин Прибавкин был замечен в одном интересном месте, а именно в закрытом клубе под скромным названием «П», в обществе еще более известной эстрадной звезды, и не просто в обществе, но в объятиях оной звезды Кати Красной. Катя уютно устроилась на мускулистых коленях политика, болтала своими стройными ножками и поделилась с нашим корреспондентом интересной новостью. Оказывается, в ближайшее время Катя планирует зачать с помощью демократа Прибавкина, спасителя России, нового Мессию, который обеспечит нам с вами светлое и радостное будущее. Так что, господа-товарищи, у нас с вами нет оснований для паники. Думаю, в следующей программе я буду иметь честь сообщить вам, что историческое зачатие свершилось. Возможно, удастся узнать подробности этого великого акта. А если повезет, я даже приглашу счастливую парочку, политика и певицу, поделиться впечатлениями. Ура, товарищи!

Артем сделал паузу, давая «товарищам» у телеэкранов оценить соленый юмор светской сплетни. В кадре лицо его сменилось круглой курносой мордашкой певицы Кати Красной. Показали трехминутный отрывок из ее последнего клипа.

Сюжет был, разумеется, платным. Катин продюсер отчаянно торговался, после кризиса цены упали, минута косвенной рекламы даже в самых популярных программах подешевела в пять раз. Артему удалось выбить максимум, триста долларов за эту проклятую дешевую минутку. Соответственно, весь пятиминутный сюжет стоил полторы тысячи. Но об этом никто, кроме

Артема, не ведал, и делился он с коллегами из расчета сто пятьдесят за минуту. Арифметика эта действовала на него ободряюще. Если так пойдет дальше, ему удастся довольно быстро и безболезненно расплатиться с самыми неприятными долгами.

Кусок клипа кончился. Артем был опять в кадре. В мозгу его выключился калькулятор и заработала совсем другая машинка.

— Что ж, дорогие телезрители, мы с вами получили истинное эротическое, или нет, эстетическое удовольствие, но, в общем, это как кому нравится. Наша замечательная Катюша, как всегда, на высоте. Остается пожелать ей сохранить свои соблазнительные формы на многие, многие годы. Катюшка! Я тебя люблю. — Он послал в эфир воздушный поцелуй и тут же скорчил брезгливую рожу, чтобы никому не пришло в голову заподозрить его в каких-то особенных симпатиях к восходящей звезде. Больше всего на свете Артем опасался показаться банальным, то есть вежливым, доброжелательным и хорошо воспитанным.

— А теперь от высокого перейдем к еще более высокому. Французская кинозвезда, которая многие годы являлась мировым, а может даже, и вселенским секс-символом, сегодня устремила поток своей неизрасходованной любви на бездомных животных. На днях она прибыла к нам в Россию, чтобы вмешаться в судьбу одной бедной собачонки, живущей на помойке в славном городе Засранске Ростовской области. Посмотрите наш специальный репортаж.

Лицо Артема опять сменилось заранее отснятым материалом. Под язвительный комментарий молоденькой корреспондентки густо накрашенная старушка-француженка кормила с ладони кусочками ветчины облезлую бездомную псину. Потом, профессионально оскалившись в телекамеру, закутавшись в норковое манто и махнув ручкой, кинозвезда выкатилась из кадра на бандитском джипе, который предоставили ей вместе с охраной местные власти.

— Простите, — Артем шмыгнул носом и утер воображаемую слезу, — то, что мы сейчас увидели, так трогательно, что я невольно разрыдался. Мы с вами можем не волноваться за судьбу засранской псины. Кстати, мировая звезда великодушно пода-

рила ей собственное звездное имя. Песика теперь зовут Брижит, и с помойкой эта сучка попрощалась навеки.

Он опять шмыгнул носом. Глаза у него действительно за-слезились, но вовсе не от умиления. Он чувствовал себя таким разбитым, что с трудом дотягивал до конца программы. Смысл собственной хриплой скороговорки едва доходил до сознания. Впрочем, никакого смысла его болтовня и не предполагала. В этом была соль программы.

После жуткого кризиса, разразившегося совсем недавно, в конце августа, публика успела здорово устать от политических умных монологов, от теледебатов, в которых речь шла исключительно о важных, глобальных проблемах, от мрачных пророчеств и собственных рухнувших надежд.

— Нам всем надо расслабиться. По-настоящему расслабиться, — убеждал Артем уцелевших телевизионных чиновников.

Чиновники реагировали по-разному, одни одобряли его проект, другие скептически пожимали плечами, резонно замечая, что сегодня и так каждая развлекательная программа пытается изо всех сил расслабить бедного телезрителя, растворить его мозги до желеобразного состояния. Впрочем, ни одобрение, ни скепсис этих чиновников уже не имели значения. Они слетали со своих постов, как поздней осенью последние листья.

Добро на программу подписал новый заместитель директора канала всего полтора месяца назад, но не потому, что хотел помочь телезрителям расслабиться. Просто он смекнул, что в такую программу легко можно втискивать любую, самую наглую косвенную рекламу. По неофициальному устному соглашению, от каждого платного сюжета Артем Бутейко обязан был отстегивать заместителю директора тридцать процентов. Это были бесконтрольные и в общем легкие деньги. Программу Артем делал практически из ничего.

Любому событию он умел придать оттенок скандальности. Каждый, самый незначительный шаг знаменитой личности журналист Бутейко мог прокомментировать таким образом, что зрителя не покидала иллюзия, будто знаменитыми и богатыми становятся только отъявленные мошенники, наглые ловкие мер-

завцы, изошренные развратники, проходимцы, а он, честный рядовой телезритель, благородный обыватель, остается по ту сторону экрана исключительно из-за своей природной добропорядочности и отсутствия нужных связей.

Но искусством создавать подобные иллюзии и зарабатывать на этом деньги владели многие. На самом деле платные сюжеты содержали пикантную информацию, которую знаменитости сами с удовольствием открывали публике. Артем отдавал себе отчет, что для настоящего успеха необходимы настоящие скандалы. Публика с каждым годом становилась все искушенной и привередливей, интуитивно чувствовала подвох и ждала чего-то большего, чего-то совсем уж запредельного, запретного, оглушительного, вовсе не предназначенного для ее жадных глаз и ушей.

Чтобы интерес к программе не увял, чтобы зритель не чувствовал себя обманутым, пора было начать разбавлять дозволенную грязь недозволенной, выдавать то, что знаменитости предпочитают скрывать.

Усталость Артема, головная боль, красные слезящиеся глаза — все это было следствием нескольких бессонных ночей, которые он провел на лавочке в одном из тихих дворов в центре Москвы, держа наготове маленькую видеокамеру со светочувствительным объективом. Он занимался привычным для себя делом — охотой за знаменитостью.

Неделю назад он случайно услышал, как одна из самых известных телеведущих, политический обозреватель первого канала Елизавета Павловна Беляева, в баре в «Останкино» тихо разговаривала по своему радиотелефону. Что-то сразу насторожило опытного репортера, то ли ее интонация, то ли напряженность позы. Она не подозревала, что к разговору кто-то прислушивается, Артем сидел у нее за спиной, к тому же прятался в тени, да и народу в баре было много.

— Перестань, пожалуйста... нет, не нужно... Юра, послушай меня, только спокойно... я не могу, я обещала... ну потерпи еще пару дней... — говорила Беляева, прикрыв трубку ладонью, — хорошо, Юраша, я заеду к тебе сразу после эфира.

Артем знал, что эфир у нее заканчивается в половине первого ночи. Ему было известно, что мужа телеведущей зовут Михаил Генрихович, братьев у нее нет, ни родных, ни двоюродных. Его вдруг страшно заинтересовало, к какому это нетерпеливому «Юраше» сорокалетняя звезда, образец добропорядочности, верная жена, мать двоих детей, собирается заехать в такое позднее время.

Собственной машины Артем не имел. Он поймал у телецентра неприметную «копейку», и за сотню рублей водитель согласился везти его хоть на край света.

Следовать за вишневой «Шкодой» Елизаветы Павловны по пустым ночным улицам было совсем не сложно. «Шкода» доехала до центра и свернула в переулок неподалеку от метро «Новокузнецкая», оттуда во двор. Бутейко расплатился и отпустил шофера.

Во дворе было светло от снега и ярких фонарей. Опытный глаз Артема тут же нашел укрытие, щель между «ракушками», откуда отлично просматривались все подъезды добротного сталинского дома, стоящего буквой «П».

Беляева припарковала машину и не успела выйти, как к ней кинулся крупный толстолапый щенок добермана-пинчера. Собака бурно радовалась Елизавете Павловне, и почти так же бурно обрадовался хозяин, невысокий коренастый мужчина с поводком в руке.

И вот тут Артем чуть не зарыдал. Беляева и этот мужчина обнялись и стали целоваться прямо на улице, в пустом дворе. Артем готов был биться головой о железную стену «ракушки». При нем, как назло, не оказалось ни видеокамеры, ни даже фотоаппарата. Он отлично знал, что это не ее дом, не ее муж и не ее собака.

Щенок почуял чужого, принялся лаять на «ракушки», и Артем смылся от греха подальше. Елизавета Павловна могла его заметить, а это вовсе не входило в его планы.

С тех пор каждый свой свободный вечер он проводил в этом дворе, пару раз видел мужчину со щенком, разглядел его довольно подробно. У словоохотливой пожилой почтальонши за десят-

ку выяснил, что зовут его Юрий Иванович Захаров, ему сорок три года, он ветеринарный врач, давно разведен, есть ли дети, неизвестно, живет один, недавно завел себе щенка добермана. Артем мог бы запросто ветеринара заснять, однако без Елизаветы Павловны это не имело смысла. А она все не появлялась.

Его сжигал профессиональный азарт. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы сцена страстных объятий и поцелуев повторилась на бис, но уже на экране, в его авторской программе, и ради этого он мог не спать хоть десять ночей подряд, мерзнуть в пустом дворе с видеокамерой наготове.

Несмотря на крайнюю усталость, Артем готов был сегодня, сразу после программы, опять мчаться в тот тихий двор у «Новокузнецкой», однако знал точно, что уже нет смысла. Вчера утром героиня вождя скандала улетела в Монреаль на неделю.

В дневных новостях по всем телеканалам было показано официальное открытие крупной международной конференции по правам человека. Среди членов российской делегации была одна из самых известных и обаятельных женщин, кандидат исторических наук, политический обозреватель первого канала Елизавета Павловна Беляева. Артем мог со спокойной душой ехать после программы домой и отсыпаться. В ближайшие пять дней скандального «эксклюзива» о тайном романе популярной телеведущей Елизаветы Беляевой ему снять не удастся.

* * *

Саня Анисимов расправил шарф перед зеркалом в прихожей, пригладил волосы и, прежде чем открыть дверь, заглянул в полумрак гостиной, произнес как можно небрежней:

— Наташка, я ушел! — Он не ждал никакого ответа, они с женой сегодня трижды ссорились и только дважды помирились.

— Ты куда? — Наталья возникла, как привидение, в дверном проеме спальни, босая, в халате. Спутанные светлые пряди упали на щеки, воспаленные красные глаза часто моргали.

Саня машинально отметил, что с ненакрашенными ресницами его жена напоминает белого кролика. Раньше ее бледное бесцветное личико казалось ему нежным и трогательным, а теперь раздражало.

Наталья в последнее время была вялой, засыпала на ходу, зевала, прикрывая рот ладошкой, даже когда ругалась с Саней. Спала только днем, урывками. Ночами ей приходилось по нескольку часов подряд катать детскую кроватку туда-сюда, ходить по комнате из угла в угол с Димычем на руках. Ребенку было девять месяцев. У него тяжело, с болью и высокой температурой, резались зубки, ночами он плакал и совсем не спал.

— По делам, — буркнул Саня, стараясь не глядеть на жену, машинально расстегнул и опять застегнул короткую дубленку, еще раз поправил шарф и затоптался у двери, как нетерпеливый конь.

— В десять вечера? Не ври, Санька, какие могут быть дела в десять вечера в субботу? — Голос Натальи задрожал, послышались гадкие истерические нотки.

— Прекрати. Ты отлично знаешь, дел у меня сейчас очень много. Я должен встретиться с одним нужным человеком. Вернусь поздно. — Саня старался говорить спокойно, но раздражение все-таки вырвалось наружу: — И вообще, хватит. Мне надоели твои истерики.

Наталья всхлипнула. Лицо ее моментально вспухло и покрылось красными пятнами.

— Я сижу дома целыми днями. Двор, магазин, детская поликлиника. Я так с ума сойду, Саня. Ты уходишь когда хочешь, куда хочешь, а я сижу как привязанная в четырех стенах. Я ведь знаю, у тебя есть кто-то. Но я не могу тебе тем же ответить. Не могу...

— Почему ты без конца пилишь меня?! И так тошно! Нет у меня никого, поняла, дура?! — неожиданно для себя выкрикнул Саня ей в лицо так, что полетела слюна, и оттого, что самому себе в этот момент стал противен, разозлился еще больше. — Ты сидишь с ребенком. Я кормлю семью. У нас все нормально. Квартира, машина, дача, две шубы у тебя, на день рождения захотела изумрудные сережки — купил. Платье от Диора захотела — купил.

— Ага, конечно! — Наталья шмыгнула носом. — А куда я пойду в этом платье? В детскую поликлинику? На рынок? Ты обещал няню!

— Слушай, детка, ты понимаешь, что в стране кризис? Ты хоть раз вместо сериалов новости посмотри! Где я тебе сейчас возьму денег на няню? Скажи спасибо, что на памперсы пока хватает.

— Не называй меня деткой! Ты прекрасно знаешь, не смотрю я сериалы, меня от них мутит, — всхлипнула Наташа, — не делай из меня идиотку. Это очень удобно — иметь тупицу-жену, предмет домашнего обихода. Тогда и на сторону не грех сбегать. Скучно ведь с душой, которая, кроме всяких «Жестоких ангелов», ничего не видит и не понимает.

Из комнаты послышался громкий детский плач. Наталья махнула рукой и произнесла неожиданно спокойно, вскинув подбородок:

— Ладно, катись куда хочешь. — Резко развернувшись, она ушла в комнату, и через минуту оттуда раздался ее голос, совсем другой, глубокий, мягкий, ласковый: — Солнышко мое, проснулся, маленький, ну, иди к маме на ручки, сейчас покушаем...

Плач сменился радостным гуканьем, Саня не удержался, приоткрыл дверь, увидел, как Наталья, усевшись на тахту, кормит грудью ребенка. Димыч громко, жадно причмокивал, посапывал, Наталья смотрела на него, чуть улыбаясь, красные пятна исчезли, свет настольной лампы пронизывал насквозь легкие спутанные пряди, лицо опять казалось нежным, почти прозрачным. Саня быстро прошел в комнату, неловко, как будто виновато, поцеловал Наталью в подбородок, провел ладонью по теплой шелковистой головке Димыча.

— Ты куда в ботинках по ковру? — не поднимая головы, вяло бросила Наталья, и улыбка растаяла на ее склоненном лице.

«Все! Надоело, на фиг!» — рявкнул Саня про себя и ушел из дома в мокрый декабрьский мрак.

Во дворе он привычным жестом вытащил из кармана и подкинул на ладони ключи от машины, но тут же убрал их назад, сплюнул в грязный снег и тихо выругался. В машине, в новень-